

КАРПАТСКІЙ СВѢТЬ

ГОДЪ III.

1930.

9—10.

Центральное Правленіе О-ва им. А. В. Духновича и Редакція журнала
«Карпатскій Свѣть» поздравляютъ своихъ членовъ, подписчиковъ и
друзей съ праздникомъ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА и съ наступающимъ
НОВЫМЪ ГОДОМЪ! Примите пожеланія здоровья и успѣха въ куль-
турной работе на благо РОДНОГО НАРОДА!

.....

Съ Новымъ Годомъ!

Съ Новымъ Годомъ, любезные и дорогіе Русскіе Братья,
Члены О-ва им. А. В. Духновича, Подписчики и Читатели
журнала «Карпатскій Свѣть»!

Отъ всей души желаюмъ Вамъ всего наилучшаго въ на-
ступающемъ 1931 году и, по примѣру нашихъ старыхъ и
столь дорогихъ каждому русскому сердцу журналовъ, по-
стараемся по возможности учесть нашу работу въ истекшемъ
году, чтобы точно формулировать свои пожеланія на бу-
дущее.

Сдѣлано въ 1930 году много, это мы можемъ сказать
открыто, но предстоить еще большее.

Самое главное, что въ истекшемъ году наши школы на
Подкарпатской Руси въ подавляющемъ своемъ числѣ, со-
гласно демократическому принципу и по праву большинства,
ввели въ качествѣ учебниковъ — четыре русскихъ книги:
букварь, двѣ книги для чтенія и грамматику.

Это выполнено общими усилиями всѣхъ русскихъ лю-
дей Подкарпатской Руси при особенномъ содѣйствіи О-ва
им. А. В. Духновича и Учительского Товарищества Подкарп.
Руси, какъ организацій во всемъ и всегда идущихъ рука
объ руку.

Мы ввели эти книги въ школы и, надѣемся, что нашъ
шагъ будетъ признанъ правительствомъ правомощнымъ и
законнымъ.

Наши дѣти получили, такимъ образомъ, возможность
обучаться по роднымъ по духу и по языку учебникамъ,
а это является уже залогомъ лучшаго культурно-національ-
наго будущаго.

Это стоитъ въ тѣсной связи съ другимъ важнымъ въ
культурной жизни фактамъ: національное русское боль-
шинство въ настоящее время уже не представляетъ сомії-
нїй ни для политическихъ дѣятелей, ни для правительства.

Въ новомъ году мы всѣ, а въ томъ числѣ и О-во им. А. В. Духновича, должны развить съ особенной интенсивностью нашу дѣятельность, чтобы наша школа не только пользовалась русскими учебниками, случайно введенными въ нес, но и всѣми правами русской школы, вытекающими изъ ея понятія и изъ нашихъ политическо-национальныхъ правъ.

1930 годъ для русскихъ на Подкарпатской Руси прошелъ подъ эгидой аттентата на старѣйшину русского движенія — о. Архидіакона Е. И. Сабова.

Разочаровавшись въ побѣдѣ культурными средствами, враги рѣшили пулей убить Русскую Культуру. Этотъ путь свидѣтельствуетъ о бессилии враговъ, насть онъ убѣждаетъ въ томъ, что правда неизмѣнно побѣждаетъ, какъ высшій законъ человѣческой морали и жизни вообще.

Наша органическая побѣда, какъ побѣда традиціи и патріотического большинства, призываетъ насть не къ торжеству, но къ усиленной работѣ. Наша награда въ этомъ отношеніи — не слава, но утвержденіе въ своей — всенародной — правотѣ.

Журналъ «Карпатскій Свѣтъ» въ теченіи двухъ лѣтъ своего существованія опубликовалъ рядъ статей, подробно и беспристрастно говорящихъ о нашемъ прошломъ. Это прошлое опредѣлило наши пути въ настоящемъ. Надѣемся, что въ будущемъ году мы уже въ состояніи будемъ говорить о нашей русской современности на Подкарпатской Руси, не доказывая свои права на нее, но осуществляя ихъ.

Къ настоящей работѣ призываемъ мы всѣхъ карпато-россовъ въ новому году.

Она тяжела и отвѣтственна, такъ какъ не только живеть идеями прошлаго, но и продолжаетъ его, творя новое и предопредѣляя будущее.

Она радостна, потому-что говоритъ о нашей жизненностіи и жизни.

Проф. КОНСТАНТИНЪ СТРИПСКІЙ.

Языкъ литературной традиціи Подкарпатской Руси.

По небу полуночи ангель летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

— — — — —
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ,
Для міра печали и слезъ;
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

М. Ю. Лермонтовъ.

Большинство славянъ приняло христіанство благодаря дѣятельности св. братьевъ Кирилла и Меѳодія. Наши предки обратились также къ восточному источнику учения Христа. Вся наша культурная и литературная работа шла у насъ отъ самаго принятія христіанства до XIX в. на церковнославянскомъ языкѣ. Правда, памятниковъ изъ ранняго періода сохранилось очень мало. Какъ тогда жилось нашимъ предкамъ, обѣ этомъ мы знаемъ весьма немного. Церковный языкъ, однако, даже въ XVII—XVIII вв. отождествлялся съ русскимъ, ибо онъ не былъ не своимъ. На него, какъ и нынѣ, смотрѣли, какъ на священный. Этотъ языкъ можемъ благодарить, что мы — консервативны, что не любимъ новшества, особенно въ языкѣ и правописаніи.

Реформація въ XVI ст. повѣяла на нашу культурную жизнь. Языкъ народный (какъ и нѣмецкій, мадьярскій, чешскій) сталъ средствомъ для религіозной пропаганды, но, впрочемъ, реформація не коснулась нашей религіозной жизни. Благодаря этому въ XVII—XVIII вв. писались проповѣди на разныхъ діалектахъ. Однако, священники стали замѣчать, что они пересолили, ибо церковный языкъ, хотя и былъ уже мертвымъ, но все таки, былъ не такъ ужъ непонятенъ, какъ латинскій для католиковъ. Поэтому, напр., Гонорий Винченскій (галичанинъ XVI—XVII ст.) говорилъ: «Евангелія и апостола простымъ языкомъ не напечатали, по-

литургії же для выразумленія людскаго по просту толкуйте и выкладайте». — Нашъ карпаторусскій священникъ XVII—XVIII вв., Михаилъ Андрелла, ревностный защитникъ восточнаго православія, насъ заставляетъ думать, что наши предки церковнаго наставленія не любили на народномъ языкѣ; онъ говоритъ, что, хотя могъ бы писать по простонародному, да не хочетъ, чтобы читатели обвиняли его въ неразумныхъ вымыслахъ: «Писалъ быхъ вамъ простымъ языкомъ, а вы бы на то мыслили, что ся подобало ему, Миgovцѣ». — Что церковный языкъ, какъ священный, былъ дороже всего для нашего простолюдина, станетъ вполнѣ очевиднымъ, если обратиться къ «Няговскимъ поученіямъ» отъ 1757 г., авторомъ которыхъ является Мих. Степ. Горбянскій. Онъ списалъ проповѣди для себя съ до сихъ поръ еще не найденного оригинала. По словамъ академика А. Петрова вся рукопись испещрена поправками, сдѣланными и писцами ея и читателями, между строками, или на поляхъ — сбоку, вверху, внизу. Въ чемъ же дѣло? Въ томъ, что оригиналъ былъ составленъ на родномъ языкѣ Горбянскаго съ многочисленными провинціализмами и варваризмами, заимствованными изъ мадьярскаго языка (у нюомъ; бетюгъ, кѣпомъ). Это ему, какъ и прихожанамъ, не нравилось; онъ самъ просить читателей, чтобы не проклинали его за эти грубыя нарушенія хорошаго слога, допущенные вслѣдствие быстрой переписки. Это, именно, говорить онъ въ одной изъ приписокъ: «Благыи читателіе, аще обрящете иншее прегрѣшеніе въ книзѣ сей албо просто рещи, помылки, не клените, но исправляйте, да и вы сподобите ся отъ Бога прощенія». «Где б лти, тамъ чти братія где мовить людскій, тамъ человѣческій чти». Эти поправки онъ считалъ нужными, «понеже дуже спроста вытолковано было въ книзѣ, съ которои сія писанна».

Люди того времени уже видѣли, что у каждого сосѣдняго народа есть свой письменный языкъ, поэтому они также хотѣли создать такой — при помощи церковнаго языка, а не съ полнымъ разрывомъ съ нимъ, ибо не подозрѣвали, что онъ уже создавался на сѣверѣ, въ нашей прародинѣ, благодаря кровнымъ братьямъ южнороссамъ, учившимъ въ академіяхъ Кіевской и Московской, въ XVII—XVIII вв. (Петръ Могила, Голятовскій, Гизель, Памва Берында, Смотрицкій, Зизаній, С. Полоцкій, Епиф. Славинецкій, Дм. Ростовскій, Ст. Яворскій, Феофанъ Прокоповичъ и т. д.). Нашимъ предкамъ нуженъ былъ языкъ письменный, и они придерживались церковнаго, освященнаго вѣками, чтобы и дальше сохранять традиціонную русскость. — Является очень трогательнымъ, что церковный языкъ, хотя былъ и мертвымъ, но т. к. не былъ не своимъ, то стали также его называть русскимъ. Это именно видимъ мы у лицъ, имѣющихъ огром-

нья заслуги при приготовленіи почвы для возрожденія карпаторусского народа во второй половинѣ XIX в.

Послѣ введенія унії (1649) католики, ради подкрѣпленія вѣрности нашихъ предковъ и для латинизаціи, требовали отъ нашихъ епископовъ, чтобы наши теологи учились въ латинскихъ семинаріяхъ. Епархія же наша, такъ какъ своей семинаріи не было, должна была исполнить это требованіе тѣмъ болѣе, ибо была подчинена ягерскому епископу. Однако, русинъ — русинъ: поможеть себѣ въ бѣдѣ. Карпаторосы, означенавшіе себя въ борьбѣ за независимость нашей епархіи (Ольшавскій, Блажовскій, Брадачъ, Бачинскій), были учениками латинской семинаріи въ Тирнавѣ (Ягерской наши и терпѣть не могли). Ольшавскій въ 1744 г. учредилъ семинарію въ Мукачевѣ, чтобы дома воспитать хорошихъ русскихъ священниковъ. Работа шла успѣшно, несмотря на то, что съ половины XVIII в. по настоянію Ягра въ семинаріи стала вкореняться языкъ латинскій. Борьба между епархіями перешла въ дикія столкновенія, потому Марія Терезія, царица, и римская курія рѣшили провозгласить нашу епархію независимой. Случилось это во время Брадача; послѣ смерти его (1772) епископомъ, былъ назначенъ Андрей Феодоровичъ Бачинскій (1772—1809).

Какъ только наше положеніе немного улучшилось, идея единоплеменности русскаго народа, давшая намъ Андреллу, Горбянскаго, Коцака и т. д., и никогда не прекращавшаяся въ масѣ народа, во время епископа Бачинскаго дала столь горячихъ патріотовъ и великихъ ученыхъ, что они пригодились также и для развитія русскаго языка и науки самой Россіи (Билудинскій, Лодій, Венелинъ, Орлай, Кукольникъ и т. д.).

Однако, опасность со стороны латыніанъ снова угрожала. Наше духовенство и монашество стало говорить, читать и писать по-латински. Не безъ причины сказалъ однажды Бачинскій „Люка, квде азъ, кѣди, сего не вѣди!“, Цензурізація дошла до того, что юноши, учившіеся только по-латински, при приемномъ экзаменѣ въ семинарію даже своего имени не могли написать кириллицей. Въ 1800 г. Бачинскій пишетъ: «Въ самое умаленіе день отъ дне приходитъ Руцкына наша и отчество наше, русское набоженство. Поэтому онъ напоминаетъ вѣрикамъ и духовенству позиться за обработку русскаго языка. Для подкрѣпленія религійной и національной жизни онъ о только что печатной полной Біблії пишетъ: «Готовая есть и Біблія русскимъ языккомъ пашимъ (шь сущности церковныи) пам'єтє книги тыи на русскомъ языке, яже чтуще, народу твоему купно и митрополиту твоему языке, писмо и народъ и набоженство содержати и подкрѣпить возможете».

Цензурізаціи лишили только среднюю интеллигентсю, передовая же людъ школы не забыли о своей патріотичности, и изобрели, руководили различемъ иск-

менного языка. Такъ напр., Мих. Ив. Лучкай въ своей «Грамматикѣ» (1833), написанной по латыни, высказываетъ мысли, которыми на сто лѣтъ раньше сумѣлъ предупредить многихъ изъ нашихъ современниковъ. Онъ предчувствовалъ, что роль налачей русскости сыграютъ также русскіе: «Если бы кто-то пожелалъ, чтобы всѣ діалекты были одинаково усовершенствованы, то это значило бы, что всѣ они несовершены и взамѣнъ ихъ получиль бы господство какоилибо чужой языкъ. — Нѣтъ ни одного письменнаго языка, тождественнаго съ простонароднымъ... Одни только славяне болѣзненно стремились и стремятся уподобить свою письменную рѣчь народной». Его желаніемъ было, чтобы всѣ славянскіе народы соединились при помощи церковнаго языка, но что касается русскаго письменнаго языка, то онъ былъ не прочь употреблять и русскія (изъ Россіи) книги; бѣда только въ томъ, что — по его словамъ — въ Россії печатанныя правныя книги ради всенароднаго поученія трудно получить, вслѣдствіе чего онъ самъ приступилъ къ составленію проповѣдей (1831), въ которыхъ, кромѣ мѣстнаго языка, мы находимъ и церковные и славяно-русскіе обработы. Значитъ, онъ, какъ и Горбянскій или Андрелла, также искалъ авторитета, «самъ бо народъ русскій со всѣмъ простый языкъ во церкви не любить, но тѣшится среднимъ», какъ и у всѣхъ культурныхъ народовъ.

Подобныя мысли были высказаны и его современникомъ Бережаниномъ (1827). Онъ подчеркивалъ, что у всѣхъ русскихъ племенъ долженъ господствовать только одинъ письменный языкъ. Издавать же грамматики для всѣхъ отдельныхъ нарѣчій русскаго языка означало бы полное ихъ отдаленіе и другъ отъ друга, и отъ коренного славянскаго, и отъ чистаго русскаго языка.

Мы видимъ, что карпатороссы все время работали надъ развитіемъ своего письменнаго языка, при чёмъ всегда руководились инстинктомъ самосохраненія, который задерживалъ его отъ необдуманныхъ поступковъ. — Почва для полнаго литературнаго возрожденія въ это время была приготовлена настолько, что пришлось сдѣлать лишь небольшой шагъ, чтобы русскій письменный языкъ, созданный на церковнославянской основѣ, созданный общими трудами не только съверно-, но и южно- и карпато-россовъ, провозгласить своимъ собственнымъ. Часть этого пути была сдѣлана Чурговичемъ, директоромъ (отъ 1827) ужгородской гимназіи, часть же революціей 1848 года и Духновичемъ.

Іоаннъ Чурговичъ былъ блестяще образованнымъ человѣкомъ. Интересуясь не только славяновѣдѣніемъ, но и всѣми науками вообще, онъ собралъ у себя очень богатую бібліотеку на семи языкахъ. По примѣру Бачинскаго, назвавшаго Ломоносова «патріархомъ русскаго языка», особое вниманіе обратилъ онъ на русскую литературу. Написалъ онъ

много цѣнныхъ трудовъ, но изъ нихъ только проповѣди были напечатаны и только послѣ его смерти. Въ нихъ мы видимъ, что онъ усердно занимался выработкой своего языка, который гораздо чище и по словарю и по морфологіи, чѣмъ у его предшественниковъ.

Другой современникъ Лучкая, Фогорашій остался далеко позади Чурговича. Онъ въ 1833 г. напечаталъ въ Вѣнѣ грамматику, языкъ которой отличается славянорусскимъ словаремъ, русской, въ общемъ, морфологіей и для него только характернымъ правописаніемъ. Поэтому Ал. Михаличъ, севлюшскій намѣстникъ, издавшій въ 1847 г. свои проповѣди, жалуется на то, что все еще нѣтъ авторитета по отношенію къ языку, ибо «до сего днѣ сами между собою писателіе грамматикъ согласитися не могутъ». Онъ придерживался слога Лучкая.

Революція 1848 г. и непосредственная встрѣча съ русскими пробудила нашихъ предковъ на небывало кипучую національную жизнь. Жители нашихъ горъ пускались съ солдатами въ разговоръ, и, по свидѣтельству современниковъ, лѣгко понимали другъ друга. Особенно сильно повлияли на нихъ русскія пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя, напр., «Выхожу одинъ я на дорогу», съ того времени все время пѣлись у насъ. Вотъ что говорить Урілъ Метеоръ о встрѣчѣ съ русскими: «Наши селяне твердили одно, что они свободно разговариваютъ съ москалями и безъ затрудненія понимаютъ ихъ языкъ. Иные говорили, что видѣли ихъ креститься и слышали молиться и не могли прійти въ себя отъ удивленія, что они совсѣмъ такимъ образомъ крестились и тѣми же словами молились, какъ здѣшніе домородные люди. Выходило, что они одного съ нами языка и одной вѣры».

Карпатороссы зашевелились. Добрянскій организуетъ политическую сторону національной жизни, на требование мукачевскаго епископа Василія Поповича (автора пѣсни «Божій сынъ днесь»), правительство поручило Раковскому перевести на русскій языкъ державные законы; тотъ же Поповичъ поручилъ духовенству обращаться ко всѣмъ урядамъ по-русски, открываются русскія школы, подъ редакціей Іванна Раковскаго, начинаютъ выходить первыя русскія газеты. Духновичъ печатаетъ свою знаменитую грамматику и прочіе учебники, альманахи, календари и молитвенники, въ скоромъ времени Кирилль Сабовъ издастъ свою, также чисто русскую, грамматику, ибо грамматика Духновича была «уже распродана». Писателями этого времени были еще Добрянскій, Раковскій, Балудянскій, Нодь, Ад. Поповичъ, Яновичъ и т. д. — Въ шестидесятыхъ годахъ произошло наиболѣе крупное событие: открытие Общества св. Василія Великаго, въ которое сейчасъ же на учредительному собраніи разомъ вступило 500

лицъ. Побѣда русскаго языка была полная; въ семьяхъ интеллигентіи, которая въ 20-хъ годахъ стала говорить по-мадьярски (Духновича за русское слово 'окованымъ' вели солдаты изъ Пряшева въ Кошицы, гдѣ его уже ожидала висѣлица, но онъ былъ спасенъ приходомъ русскихъ войскъ), мадьярскій разговорный языкъ былъ изгнанъ. Простонародіе и интеллигентія первый разъ встрѣтились отъ половины XVIII в. По поводу этого огромнаго, но у другихъ народовъ совсѣмъ естественнаго, явленія каноникъ Ладомирскій сказалъ: „Ти спаши кыша и падаша, мы же востахомъ и испрахи хомсѣ!“ Въ 1867 г. сталъ выходить «Свѣтъ», органъ общества; добровольные сотрудники эту газету такъ засыпали статьями, что редакторы не могли ихъ помѣщать. Русскій духъ восторжествовалъ послѣ долгой, долгой эволюціи. Однако, этотъ торжественный праздникъ, праздникъ русской народности, продолжался не долго. Враги национальныхъ меньшинствъ, мадьяры и Австрія, въ 1867 году помирились, началось гоненіе самое жестокое — подъ веденіемъ мадьярскаго наймита, злопамятнаго Панковича, назначенаго епископомъ въ 1866 году. Послѣ устраненія Раковскаго и Добрянского изъ правленія общества, всѣ дальнѣйшія события носятъ на себѣ печать постепенного упадка. — Разбитіе прежняго единства случилось слѣдующимъ образомъ. Занявши свою должность, Панковичъ сейчасъ же принялъ за дѣло, порученное ему правительствомъ. Онъ у себя всегда давалъ превосходные обѣды приглашаемымъ священникамъ. Стаканъ съ виномъ онъ всегда поднималъ со словами «Да здравствуетъ мадьярское отечество!» Кромѣ того, ради возбужденія честолюбія, онъ сталъ раздавать разныя отличія: одному даль фіолетовый нашейникъ, другому червоный поясъ, третьему капральскій шнурокъ на шапку; титулы крыланъ и консисторіальныхъ совѣтниковъ сыпались на всѣ стороны. Кто держалъ его сторону, тому давалъ лучшій приходъ. Покровительствуемые епископомъ священники влекли за собой и родственниковъ ихъ. Онъ вскорѣ имѣлъ за собой сильную партію. Тогда приступилъ онъ къ подавленію национальнаго духа. Депутаціи общества онъ сдѣлалъ выговоръ, что оно вмѣшивается въ политику, что не проникнуто католицизмомъ, что мало издало книгъ для народа, что не печатало никакихъ мадьярскихъ книгъ. Мадьярское же правительство сдѣлало обществу выговоръ, что между нимъ и епископомъ нѣть согласія и потребовало, чтобы оно поступало по волѣ епископа. — Духовенству въ 1871 г. Панковичъ запретилъ предлачивать на «Свѣтъ» и приказалъ передавать офиціальные обѣявленія въ мадьярскую газету «Унг». Общество хотѣло построить Народный Домъ, но царскій комиссаръ запретилъ, потому что въ Венгріи можетъ быть лишь мадьяр-

ская нація. Тѣмъ не менѣе было на него собрано 5.492 золотыхъ, изъ которыхъ за 3.700 купили домикъ. Панковичъ, однако, объявилъ, что домикъ находится на его землѣ и — продалъ его. — О-во имѣло свое помѣщеніе въ духовной семинаріи; по приказу Панковича оно должно было оттуда уйти. — Евгений Фенцикъ написалъ «Литургику» на русскомъ литературномъ языкѣ, Панковичъ же требовалъ передѣлать его на языкъ Кутки и Лучкая, благодаря этому она была напечатана съ разрѣшеніемъ пряшевскаго епископа — конечно на русскомъ языкѣ. По отношенію къ языку онъ одинъ разъ требовалъ, чтобы писать на церковнославянскомъ языкѣ, другой же разъ восхищался экзаменомъ богослововъ, отвѣчающихъ на простомъ нарѣчіи. Послѣ сверженія стараго правленія о-ва (Добрянскаго, Раковскаго), новое правленіе на распоряженіе епископа взяло отъ Кимака редакторство «Свѣта». (Кимакъ былъ авторомъ трехтомной всемірной исторіи, употребляемой въ гимназіи и написанной на письменномъ языкѣ). На это Кимакъ сталъ издавать сатирическій журналъ «Сову». (На одной картинѣ изображается раздача Панковичемъ отличій, на другой — его роскошный обѣдъ въ ресторанѣ, за который онъ платить 100 зол. изъ церковныхъ денегъ, за плечами же напрасно ожидаютъ его помощи два больныхъ священника съ прошеніями въ рукахъ, на третьей онъ хоронить: русскій языкъ, церковный обрядъ, азбуку и т. д. и т. д.). Изъ этого журнала появилось лишь 5 №, въ Ужгородѣ лишь 3, ибо печатня, получивъ отъ сердитаго Панковича хорошия деньги, отказалась его печатать. 2 послѣдніе номера вышли въ Пештѣ. Когда главные писатели были разбросаны правительствомъ по разнымъ мѣстамъ Венгріи (Кирилла Сабова, дядю Батька Евменія — въ Сегединъ, Кимака — въ Печъ, Игнаткова въ Будапештѣ; одинъ Молчанъ уѣхалъ въ Россію), тихо стало дома. — Послѣ «Свѣта» стала выходить (отъ 1871 г.) «Новый Свѣтъ», отъ которого уже повѣяло мадьяронскимъ духомъ; самые даровитые сотрудники «Свѣта» совершенно замолкли, такъ что редакторъ, Викторъ Гебей работалъ почти одинъ. Прежняго крѣпкаго русскаго націонализма у него ужъ не было, но былъ онъ составленъ еще на правильномъ литературномъ языкѣ. Въ Обществѣ ВВ. также не было уже прежняго воодушевленія. Члены перестали интересоваться дѣломъ, членскихъ взносовъ почти никто не платилъ, за 1878/79 годъ собралось лишь 42 золотыхъ; общія собранія и засѣданія состояться не могли, ибо очень часто члены не собирались. При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, что, кроме календарей, общество ничего не издавало. — Кажется, довольно будетъ этихъ печальныхъ фактовъ.

Въ концѣ 1872 г. «Н. Свѣтъ» прекратился и съ 1873 г. сталъ выходить «Карпатъ» до 1886 г. также по-русски. Послѣ русскихъ учебниковъ Фенцика и Чосина (изданныхъ

въ 70-хъ годахъ), Чопей Ласловъ на правительствоное порученіе въ 1881 г. составилъ новые учебники, написанные фонетически на совершенно испорченномъ языкѣ (напр., «Йшовъ кинь орсагомъ по вагашу, а за нимъ кондашъ изъ фейсовъ, а свѣнѣ по гатарѣ сийеломъ»). — Учители наши получали отъ правительства, конечно, бесплатно, «Газету для народныхъ учителей», она въ 60-хъ годахъ стала издаваться на «украинскомъ» нарѣчіи. Вотъ уже тогда стали нась травить фонетикой, лишь бы не было «проклятыхъ» русскихъ. Для этой цѣли и въ отвѣтъ на словарь Митрака 1881) быкъ изданъ и словарь Чопея (1883), продавшаго свою душу мадьярамъ за добрыя деньги, чтобы русинъ мадьяризовался, какъ онъ самъ признался (въ немъ есть всѣ наши варваризмы: алдомашъ, авдалашъ, пописара, талпаловати и т. д.).

Но Фенцикъ былъ еще впереди. Покойный Раковскій, которого мадьяры тягали по судамъ и тюрьмамъ, передъ своей смертью (1885) отдалъ свои послѣдніе гроши своему другу и умолялъ его передать ихъ тому, кто съ искреннимъ желаніемъ возьмется за изданіе народной газеты. Хотя денегъ было очень мало, но Фенцикъ въ сентябрѣ 1885 г. приступилъ къ изданію «Листка», выходившаго до смерти редактора, до конца 1903 года. Сотрудниками его были Кралицкій, Сильвай, Ставровскій, Жатковичъ и т. д., но больше всего писалъ, конечно, самъ Фенцикъ. — Въ 1890 году о. Евменій Сабовъ, издалъ, будучи профессоромъ русского языка при ужгородской гимназіи, «Русскую грамматику и читанку», въ 1893 г. же «Христоматію», гдѣ онъ знакомить читателей съ развитіемъ нашего письменнаго языка и говорами карпатороссовъ. По его же ініціативѣ нынѣшній преосвященный епископъ П. Гебей и каноникъ Станкай въ 1897 г. стали издавать журналъ «Наука», также въ русскомъ духѣ. Ея редакторомъ съ 1902 года былъ о. Волошинъ, напечатавшій въ 1901 году «Грамматику угро-русского литературного языка для народныхъ школъ». Онъ же написалъ цѣлый рядъ горячихъ статей, полныхъ національного убѣжденія, о Духновичѣ, Фенцикѣ, Сильваѣ и др.

Въ это время мадьяризація, начавшаяся епе при Панковичѣ, уже не нашла никакихъ препятствій, ибо Фенцикъ, Сильвай, Ставровскій умерли, Раковскаго, Духновича давно не было въ живыхъ, Добрянскій же до своей смерти (1901) жилъ въ Инсбрукѣ безъ права выѣзда. Благодаря этому Волошинъ въ 1907 г. издаетъ «для мадьярскихъ читателей» свою двухсмысленную «Грамматику», носящую на себѣ печать политики Чопея. Во введеніи онъ утверждаетъ, нѣ, что онъ (Волошинъ) не признаетъ украинской фонетики, что языкъ малороссовъ сохранилъ русскій характеръ вполнѣ, ибо она дѣлаетъ языкъ непохожимъ не только на русскій письменный, но и на самого себя, и въ самой же грамматикѣ

онъ даетъ богатый материалъ для дальнѣшой мадьяризациі (комѣсный, касарня, кертикъ). Конечно, мадьярское правительство было весьма довольно.

Однако, совѣсть не дала ему спокойствія. Это мы видимъ изъ того, что, напр., въ Мѣсяцесловѣ на 1909 годъ, редакторомъ котораго былъ онъ, помѣщена весьма острая статья противъ украинскаго епископа Ортынскаго въ Америкѣ, который со своими наймитами низкимъ способомъ преслѣдовалъ русскій духъ нашихъ американскихъ братьевъ, «оскверня ихъ всякими брехнями и называя злодѣями, зрадниками, измѣнниками, фарисеями, подлыми шизматиками, москалями». «Тоту страшиу заразу вікраїніза (такъ!) и радикализма, котра въ Галичинѣ въ послѣднихъ часахъ такъ сильно разлютилася, котра завела постоянну борьбу, русина отчуждае отъ церкви, отъ языка, даже отъ имени руского, котра мниму правду свою не любовью, но страшною ненавистью ширить, сесю заразу перенесъ Ортынскій въ Америку». — «Ортынскій передався въ онеку украинцевъ, которыхъ добрѣ знавъ нашъ народъ якъ такихъ, у которыхъ головное дѣло политична ненависть противъ всѣхъ, не принимающихъ ихъ науку, особенно же противъ тѣхъ русиновъ, котріи твердо прилѣпляючися къ своему историчному письму, языку, обряду, не хотятъ статися украинцами и радикалами, не хотятъ боротися противъ кровныхъ своихъ».

У насъ украинизма не было, ибо онъ былъ нуженъ лишь въ Галиціи, гдѣ русского населенія было гораздо больше; его сдѣлала Австрія безопаснымъ — раздутымъ украанизмомъ, ибо германизовать такой массы не удалось бы. Не такъ у насъ, гдѣ полумилліонное населеніе мадьяризовалось прекрасно съ того же самаго времени, какъ началась украинизация въ Галиціи.

Несмотря на кошмарное давленіе мадьяризациі, russкость наша сохранилась, какъ это выяснилось сейчасъ же послѣ революціи. Газета „Görögkatolikus Szemle“, замѣнившаяся потомъ „Kárpát“-омъ возобновили идеи нашихъ пророковъ и вождей прошедшихъ столѣтій; затѣмъ стали выходить газеты «Русская Краина», «Русская Земля», «Голосъ Русскаго Народа», «Русь» и т. д., большинство которыхъ сейчасъ послѣ появленія заявило претензію на русскій литературный языкъ, и ни одна не высказалась за украинство. Революціонное правительство Венгрии устами своихъ экспонентовъ намъ заявляло, что революція была нужна, чтобы русскій народъ освободился отъ ярма и гнета, и обѣщало намъ возвратить русскій языкъ и культуру. Для обезпеченія ихъ развитія Русская Народная Рада 9/XI 1918 г. высказа-

лась за учрежденіе культурно-просвѣтительного общества имени Духновича по завѣтамъ разбитаго мадьярами О-ва св. Василія Великаго. — «Руська Краина» подъ редакціей Волошина, Ем. Бокшай и В. Желтвая (12/II 1919 г.) говоритъ: «Маєме мы доста истинныхъ родныхъ братей. Наши братя тамъ живутъ въ Россіи, въ Чехіи, въ Українѣ, въ Сербіи, въ Югославіи, въ Болгаріи». «Уже видно, что съ Україновъ не можеме идти и ко едной Дунайской державѣ треба намъ пристати съ правомъ автономії». — Сотрудникъ „Kárpáta“ (19/I 1919 г.) пишеть: «Мы хотимъ создать чистый воздухъ надъ нашими горами и долинами, чтобы въ устахъ интеллигенціи и простонародія прозвучалъ языкъ нашихъ отцовъ. Русскую землю нельзя считать лишь русской языковой областью. Мы хотимъ добиться реальности, введенія русской національной жизни и культуры. Хотимъ возвратить прежнія права культуръ Коръятовича, Бачинскаго, Поповича, Духновича, Дулишковича... Русская земля принадлежитъ русскимъ; для этого интеллигенція должна подчиниться русскому языку и культурѣ». — Въ томъ же №-рѣ «Карпата» читаемъ, что на засѣданіи Русской Народной Рады Волошинъ прочиталъ уставъ Литературнаго Общества имени Духновича. — Въ одной изъ дальнѣйшихъ статей «Карпата» упоминаются позабытыя заслуги Бачинскаго, Лучкая, Базиловича, Венелина, Добрянского, Висаника и— Панковича». — Въ № 14 той же газеты Емиліянъ Бокшай говоритъ: «Малые народы, кромѣ домашняго, мѣстнаго языка, принуждены владѣть также и литературнымъ; для насъ этимъ языккомъ можетъ быть только великій русскій литературный языкъ — на томъ основаніи, что мы этнографически принадлежимъ къ русскому народу, что научиться ему не трудно, если человѣкъ владѣеть малорусскимъ нарѣчіемъ, тѣмъ болѣе, что грамматика у нихъ почти одна. Кромѣ того, этотъ русскій языкъ даль міру Пушкина, Достоевскаго, Тургенева, Толстого, онъ есть языкъ великой націи, призванной на міровое владычество, поэтому мы только учимъ русскій письменный языкъ въ нашихъ школахъ, и говоримъ на немъ охотно; за этотъ нашъ трудъ мы получимъ такие культурные скарбы, какихъ даже оцѣнить не можемъ». — Въ томъ же 1919 году была перепечатана грамматика Августина Ив. (такъ!) Волошина отъ 1901 года. — Тотъ же самий Волошинъ, вмѣстѣ съ Д-ромъ Андреемъ Гагатко, обратился отъ имени Русскаго Клуба къ народу съ печатнымъ воззваніемъ; на лѣвой сторонѣ читаемъ: Андрей Гагатко, секретарь, а на правой — Августинъ Ивановичъ (такъ!) Волошинъ предсѣдатель. — Подъ веденіемъ Д-ра Гагатко былъ устроенъ

курсъ русскаго языка, Волошинъ же съ болышимъ усердіемъ хлопоталъ, чтобы чѣмъ больше лицъ туда ходило. Эти факты, кажется, вполнѣ ясно показываютъ, что старая, традиціонная русскость была жива и что обѣ украинизмъ Волошинъ, Желтвай, Бокшай и т. д., даже не упоминали. Противъ русскихъ галичанъ также не протестовали.

Только въ 1920 году снова наступаетъ тяжкое время національной междуусобицы на почвѣ языка, а затѣмъ и культуры. Галицкіе эмигранты Панькевичъ и Бирчакъ, основываясь на постановленіи Чсл. Академіи Наукъ, принялись изобрѣтать новыя, нигдѣ не принятые и не имѣющія культурной подпочвы грамматики и поносить нашихъ стародавнихъ писателей, въ томъ числѣ и Духновича, за то, что они не шли по дорожкѣ галицкихъ украинцевъ.

Несмотря на свою фактическую диктатуру въ школьнімъ дѣлѣ карпатороссы не потерялись и энергично принялись защищать свой русскій языкъ и культуру.

Въ этомъ отношеніи неоцѣнную услугу оказало О-во им. А. Духновича; объединившее вокругъ себя всѣхъ русскихъ патріотовъ и народъ.

Въ 1929/30 шк.. году былъ безмолвно допущенъ въ школы русскій букварь. Въ 1930/31 г. къ нему прибавилось двѣ читанки. Надѣемся, что въ слѣдующемъ году народная воля и остальные учебники русскіе водворить на свои мѣста, а тѣмъ самымъ и докажеть наличіе русской стихіи, противъ которой безсильны искусственные потуги украинцевъ.

Ю. А. ЯВОРСКІЙ.

Къ изученію А. Ф. Кралицкаго.

(Бібліографическая справки.)

I. Литература объ А. Ф. Кралицкомъ.

Въ отличіе отъ принятаго Ф. Ф. Аристовымъ, въ серіи его «Карпато-русскихъ писателей», обыкновенія, въ очеркѣ объ А. Ф. Кралицкомъ (см. ниже — № 15) бібліографического свода относящейся къ нему литературы почему-то совершенно нѣтъ. Нами восполняется здѣсь въ общемъ этотъ ощутительный пробѣлъ.

1. T. Lehoczky: Beregvármegye monographiája, Унгарвъ, 1881, II, 145.
2. (Е. А. Фенцикъ:) Очеркъ угрорусской письменности — «Листокъ», Ужгородъ, 1893, № 5, 55 (съ портретомъ на стр. 54).
3. Е. Сабовъ: Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ, Ужгородъ, 1893, 204.
4. Его-же: Очеркъ литературной дѣятельности и образованія карпатороссовъ, Ужгородъ, 1925, 25—26.
5. «Церковный Мѣсяцословъ на 1894 г.», Ужгородъ, 1893, 82—84 (съ портретомъ).
6. «Листокъ», Ужгородъ, 1894, № 4.
7. «Бесѣда», Львовъ, 1894, № 5 (съ портретомъ въ № 7).
8. «Галичанинъ», Львовъ, 1894, № 44.
9. J. Szinnyei: Magyar írók élete és munkái, Будапештъ, 1900, VII, 194—195.
10. Е. Ю. Перфецкій: Обзоръ угрорусской исторіографіи — «Ізвѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ», 1914, XIX-1, 313—316.
11. То-же — отдельно; Петроградъ, 1914, 23—26.
12. Его-же: Dve statí k dějinám Podkarpatské Rusi, Братислава, 1922, 9—10.
13. В. Бирчакъ: Литературнѣ стремлѣнія Подкарп. Руси, Ужгородъ, 1921, 75—77.
14. Ф. Ф. Аристовъ: Угро-русская литература — «Славянское Объединеніе», Москва, 1915, № 5—6, 109. (съ портретомъ на стр. 105).

15. Е г о , же : Анатолій Федоровичъ Кралицкій (съ приложеніемъ «Хронологического перечня напечатанныхъ сочиненій А. Ф. Кралицкаго 1850—1893 гг.» и съ портретомъ) — «Карпаторусскій Сборникъ», Ужгородъ, 1930, 69—77.

16. Т о - же — отдельно: Ужгородъ, 1930, 11, стр. 8°.

II. «Іванъ Нодъ».

Въ «Обзорѣ угрорусской исторіографіи» Е. Ю. Перфец-каго¹), въ числѣ другихъ, указаны, какъ сочиненія А. Ф. Кралицкаго, двѣ сказки: «Святой Петръ и колесарь» и «Происхожденіе Карпатовъ», напечатанныя въ львовскомъ журналѣ «Бесѣда» за 1892 годъ, причемъ, однако, авторомъ не оговорено, что тутъ онъ помѣщены особой, не встрѣчавшейся до тѣхъ поръ, подписью «Івана Нодя»). Въ немногочисленныхъ же остальныхъ обзорахъ литературной дѣятельности А. Ф. Кралицкаго, не исключая и новѣйшаго «Хронологического перечня» его сочиненій Ф. Ф. Аристова, ни обѣ этихъ сочиненіяхъ его, ни вообще о данномъ псевдонимѣ не упоминается и вовсе, ничего.

Дѣйствительно, въ означенномъ журналь (1892—1893 гг.), все за той-же подписью, былъ напечатанъ, кромѣ упомянутыхъ двухъ сказокъ, еще и рядъ другихъ произведеній, о принадлежности которыхъ А. Ф. Кралицкому имѣется неподлежащее сомнѣнію свидѣтельство редактора «Бесѣды», О. А. Мончаловскаго, въ составленномъ имъ вскорѣ некрологѣ этого карпаторусского писателя, гдѣ, между прочимъ, выясняются и основанія прикрытия его подъ новымъ псевдонимомъ — «предъ злобою гонителей — мадьяръ³»).

Вотъ списокъ этихъ неизвѣстныхъ сочиненій А. Ф. Кралицкаго, помѣщенныхъ въ «Бесѣдѣ» за 1892—1893 гг. за подписью «Івана Нодя»:

1892 г.

1. Экзекуторъ. Рассказъ изъ угрорусской народной жизни. — № 3—5.

2. Фонъ Минкачъ. Рассказъ изъ угро-жидовской жизни. — № 7—8.

3. Происхожденіе Карпатовъ. Народная сказка изъ угрорусскихъ горъ⁴). — № 12.

¹) «Ізвѣстія Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ», 1914, XIX. I, 316; отд. оттискъ, 26.

²) Въ карпаторусской письменности былъ извѣстенъ только Николай Нодъ, умершій въ 1862 году.

³) «Бесѣда», 1894, № 5, стр. 75.

⁴) Другую подобную, космогоническую же, карпаторусскую легенду о происхожденіи лягушки: Відки взялася жаба? — шо такомъ-же вольномъ пересказѣ А. Ф. Кралицкаго см.: «Жите і Слово», Львовъ, 1894, I, 147.

4. Справедливые вѣсы. Восточная быль. (Переводъ съ мадьярскаго). — № 15.

5. Св. Петръ и колесарь. Угрорусская народная сказка. — № 17—18.

6. Кое-что о буньевацахъ. Этнографической очеркъ. — № 22.

1893 г.

7. Житейскія дрязги. I. Возня съ запрещеннымъ табакомъ. Рассказъ изъ угрорусской народной жизни. — № 1.

8. Житейскія дрязги. II. На Мукачевской ярмаркѣ. Очеркъ изъ угрорусской народной жизни. — № 3.

9. Житейскія дрязги. III. На Берегосской ярмаркѣ. Рассказъ изъ угрорусской народной жизни. — № 9—10.

10. Отрывокъ изъ описанія путешествія мадьяра Адама Сатмари въ 1711 г. Отъ Мукачева, чрезъ Львовъ, до Варшавы. Изъ мадьярскаго. — № 4.

11. Поправка (къ предыдущей статьѣ — относительно русскаго начертанія фамиліи Rakóczy). — № 5.

12. Огонь. Угрорусская народная быль. — № 19.

13. Словенская сирота. Изъ словенскаго Hlasník-a. — № 24.

14. Кромѣ того, въ львовскомъ «Галичанинѣ», 1894 г., № 39—40, помѣщена за той-же подписью статья: Исчезнувшіе племена.

III. «Князь Лаборецъ».

Исторический рассказъ А. Ф. Кралицкаго «Князь Лаборецъ», впервые напечатанный во Львовѣ, въ литературномъ сборникѣ «Галичанинъ», 1863, III—IV, 73—85, былъ въ новѣйшее время переизданъ въ Ужгородѣ дважды:

1. Князь Лаборецъ. Историческая повѣсть изъ IX вѣка. — «Календарь на 1921 г.», изд. Акц. Т-ва «Уніо», 1921, 12—27.

2. Князь Лаборецъ. Исторична повѣсть изъ IX вѣка. Выдавництво Т-ва «Просвѣта», ч. 53, 1925, 19 стр. 8°.

3. Кромѣ того, рассказъ быль переведенъ Ф. Р. Тихимъ на чешскій языкъ: Kníže Laboges — «Pověsti z Podkarpatské Rusi», Кошицы, (1930), 7—31.

Д-ръ НИКОЛАЙ БЕСКИДЪ.

Жизнь и творчество А. В. Духновича.

(Окончаніе).

IV.

Какъ мы уже указывали, сочиненія Духновича распределяются на поэтическія и прозаическія. Въ сущности говоря въ каждомъ изъ нихъ есть поэзія, разница только въ формѣ: часть написана стихами, а часть прозою. Вѣроятно, что стихотворная форма была первымъ опытомъ Духновича.

Несомнѣнно одно, что онъ былъ по существу — поэтомъ, и поэтомъ «божьей милостью». Поэзія въ его творчествѣ была началомъ побуждающимъ и черезъ поэзію онъ подошелъ вплотную къ душѣ народной. Въ поэтическомъ существѣ была тайна обаятельности Духновича. Поэтическимъ вдохновеніемъ была насыщена вся его дѣятельность. Зная, однако, зваше Духновича и обстоятельства, при которыхъ онъ обратился къ литературѣ, нельзя мѣрить поэзію Духновича критеріемъ поэзіи современной, по строгимъ правиламъ поэтики. Духновичъ былъ началомъ, а не результатомъ процесса. Тамъ, где мы видимъ работу созидателя-организатора и будителя, едва-ли умѣстно искать олимпійскія работы.

Жизнь будителя — непокойная. Она постоянно отвлекается отъ спокойнаго, кабинетного труда, отъ мирной уединенности, столь любезной Музамъ. Будитель долженъ все обнимать всею душою, его вниманіе должно распространяться на всѣ стороны народной жизни, во имя которой онъ работаетъ.

Въ Духновичѣ было все то, что требовала эпоха возрожденія. Ввиду той огромной задачи, которая выпала ему на долю въ этомъ возрожденіи, нельзя требовать отъ него совершенства. Всюду у него были только начала, поэзія его тоже связана съ поспѣшностью, времени не было обрабатывать созданное, когда нужно было пробуждать народъ отъ сна и влагать въ его уста русскую пѣсню. Духновичъ зачастую ставилъ неправильно ударенія, но вѣдь русской школы онъ не проходилъ, а тамъ, где онъ обучился русскому языку, на Пряшевицѣ, тамъ вліянія чехословакія,

польськія и мадьярскія такъ скрещивались, что удареніе русскаго слова было словно изъято. Школы въ эпоху Духновича были латинскія, а поскольку въ нихъ пользовались славянскимъ языкомъ, то этимъ языкомъ была смѣсь церковно-славянскаго и мѣстныхъ, искалѣченныхъ вліяніями нарѣчій. Иванъ Созаньскій въ своей критикѣ Духновича замѣчаетъ: «Духнович пропагував спершу церковно-славянщину у нашій літературі, згодом одначе кидає каменем в свою власну роботу, з гидкою нїкчемностю осуждає живу народну мову, в якій видав він 1847 р. свою книжицю читальну для сільських дітий та якою написав одну свою драму, а заявляє остентаційно, що усім письменникам треба прийняти як літературну мову образований росийский язык. Таку саму нестійність поглядів автора бачимо і з його віршів. Духнович улягає спершу впливови пансловістичного руху, якій появив ся завдяки праці деяких росийських поетів-утопістів, а якій захопив скоро чимало здібних людей між іншими славянськими народами, головно в Чехії, а далі стає на грунті наскрізь общерусскимъ»*).

Въ этомъ безграмотномъ замѣчаніи заключается полная нелѣпость. Духновичъ не только не осуждалъ живого народнаго языка, но и стремился къ нему. Стремился его очистить отъ иноzemныхъ вліяній, которыми пестрить критика Созаньскаго, стремился хаось замѣнить живымъ русскимъ языкомъ. И бѣда только въ томъ, что этотъ очищенный народный языкъ оказался ближе къ русскому литературному языку, чѣмъ къ польскому діалекту г. Созаньскаго. «Жива народна мова» Созаньскаго опредѣляется закономъ, — «пиши, какъ говоришъ», но самъ онъ пишеть новоизмышенной орфографіей, т. е. придерживается какой-то системы, пользуется польскимъ словаремъ, въ то время какъ въ дѣйствительности народный говоръ у нась необычайно разнообразенъ, что городъ — то норовъ, что село — то говоръ. Противъ разноголосицы Духновичъ рѣшительно возставалъ всегда, онъ былъ за однообразіе и противъ раздробленія. Онъ писалъ: «Мы сами съ собой сражаемся и мѣсто совокупленія и мѣсто едноты расплю и ненависть въ нась возбуждаеме и сего онаго смутное быти слѣдствіе, что еденъ другого потупивши разидастся якъ столпа вавилонскаго строителя себѣ непорозумѣвши».

Прогрессъ въ области формы въ стихотвореніяхъ Духновича явственно бросается въ глаза. Въ его первыхъ опытахъ вовсе нѣть никакой метрики, рифмы бѣдны и однобразны. Взять хотя-бы, напримѣръ, оду въ честь Василія Поповича ко дню 1 января 1837 года:

Горѣ, о горѣ злата зоренька,
Гнусныя хмары расхити,

*) Записки Наук. То-ва Шевченка, 1908, стр. 130.

Сіяй лучами свѣтлы скоренько,
Радостный день сей просвѣти.
Весело торжествуй.

Особенно трудно Духновичу было съ ударенiemъ. Чувство ударенія было потеряно, поэтъ принужденъ былъ довольствоваться силлабическимъ методомъ, независимо отъ удареній. Потому, читая его стихи съ правильнымъ ударениемъ, легко ихъ смѣшать съ рифмованной прозой:

Тѣнное ты ночи свѣтило,
Славно-воздушное тѣло,
Чувствительныхъ сердецъ другъ,
Славный твой видъ, славный кругъ.

По лазурному плаваешь
Воздуху, ты озаряешь
Запутанныя думы,
Ты просвѣщаешь умы.

(«Мѣсяцъ»).

Однако, есть у него все-же и стихи, написанныя по тоническому методу:

Когда со славой день съ небесъ снисходитъ вновь
И прелести всея природы пробуждаетъ,
И травки и цвѣтокъ когда ко мнѣ вѣщаетъ:
Богъ мудрость есть, онъ есть предвѣчная любовь,
Тогда душа моя возвеселилася.

(«Мысль въ началѣ весны»).

Но, несмотря на все это, несмотря на несовершенную силлабическую форму и неправильность ударенія, стихи Духновича все-же являются предметомъ несомнѣнной поэзіи. Хотя они съ современной точки зрењія и устарѣли, но и понынѣ не только идеи, но и форма трогаютъ сердце читателя. Всѣ они полны нѣжностью.

Вообще характерной чертой творчества Духновича является нѣкая внутренняя любовная теплота, веселье сердца, щедраго любовью къ своему народу, тихая скорбь по поводу его бѣдности и надежда на лучшее будущее. Духновичъ обладалъ природнымъ юморомъ, лишеннымъ злого сарказма; въ этомъ отношеніи характерны его стихи: «Приди ты до насть...», «Муха», «Надгробное вепрю» и др., где поученіе, юморъ и легкость формы сочетаются въ живой и бодрой вещи.

Первымъ стихотворенiemъ Духновича, сохранившимся для потомства была «Ода на триумфъ Николая Царя Россіи». Затѣмъ слѣдовали «Стихи на взятие Варны». Эти вещи были написаны въ Бѣловѣжѣ. Но въ печати стихотворенія поэта появились только въ 1850 году въ альманахѣ имъ-же со-

ставленномъ и напечатанномъ въ Перемышлѣ. Вѣроятно, однако, что не указанныя оды были его первыми опытами. Сердце Духновича было любвеобильно, любовь есть импульсъ души, вѣроятно любовная лирика и вдохновила его впервые для поэзіи. Чувство любви проявляется у него рано, гораздо ранѣе 1829 года, но поэтическія отраженія этого чувства для насъ не сохранились.

Обреченный на безбрачіе, Духновичъ часто подчеркиваетъ, что «безбрачество есть широкая пустыня, въ который заточенный человѣкъ блукается, всегда иская что-то, да и того не находить за чѣмъ пряжетъ». Къ этому добавляетъ: «молодому и старому бѣда на свѣтѣ самому».

Духновичъ не только самъ симпатизировалъ женщінамъ, но и пользовался ихъ симпатіей. Въ его запискахъ немало сохранилось женскихъ именъ, многія изъ носительницъ ихъ принадлежали къ дворянскимъ фамиліямъ: Шемшei, Кишшъ, Станкай. Въ память Терезіи Станкай, скончавшейся 26 ноября 1855 года, въ возрастѣ 52 лѣтъ, Духновичъ въ свое мѣсто альбомѣ нарисовалъ крестъ увитый вѣнкомъ и написалъ стихи:

Взоръ твой здѣсь изъ мыслей
Не выходитъ никогда;
Имя мнѣ твое любезно
Въ устахъ моихъ всегда.

Ей-же по всей вѣроятности предназначены и стихи «Т».

Но, вопреки его богатому знакомству въ женскомъ кругу, сердце его еще измлада было предано одной. Кто эта Юлія? Попытка разгадать не дала результатовъ, тайна останется, вѣроятно, навѣки. Одно только явно, что любовь молодости долго согрѣвала его сердце, обѣ этомъ говорить его «Помяникъ» отъ 1 сентября 1856 года. Насколько удастся заключать изъ стихотворенія «Надъ могилой милой», его возлюбленная скончалась въ концѣ 1863 года, а возможно, что и въ началѣ 1864 года, слѣдовательно незадолго передъ Духновичемъ.

Духновичъ весь отдавался любви, его любовь была глубока, передъ нею весь міръ казался ему чѣмъ-то постороннимъ, чуждымъ. Любви Духновича помѣшала злая судьба. Отецъ у него умеръ рано, въ 1816 году (5-го ноября), осталась мать и двое сиротъ. Чтобы помочь имъ, Духновичъ принесъ въ жертву любовь и остался холостякомъ. Иронія судьбы была въ томъ, что его жертва оказалась напрасной, онъ самъ обреченъ былъ нуждаться. Какъ известно, епископъ Тарковичъ опредѣлилъ ему службу въ центрѣ и не былъ къ нему благосклоненъ. Эта судьба Духновича находитъ отраженіе въ его стихахъ «О придворной жизни». Не-

счастная мать бѣдовала, а затѣмъ, когда выдала дочку Зузанну замужъ за Георгія Невицкаго въ Рететахъ, сама переселилась къ ней, гдѣ и скончалась*) 1/13 августа 1843 года.

Замѣтимъ, что сама Зузанна скончалась еще въ 1829 году, слѣдовательно, вдова должна была принять на себя роль и матери и бабушки. Зять ея Георгій Невицкій умеръ въ 1854 году. Въ память сестры и шурина Духновичъ написалъ въ своеемъ альбомѣ слѣдующее:

Васъ уже темный гробъ
Вѣчно покрываетъ;
Память вашихъ особъ
Во мнѣ не вгасаетъ.

На похоронахъ матери поэтъ прочиталъ трогательные стихи:

Просись, просись, любезна до тѣхъ поръ,
Съищу тебе тамъ, где будетъ общій сборъ;
Увидимся на Іосафатъ-долинѣ,
Прощай, прощай, не забывай о сынѣ.

Важно отмѣтить, что наиболѣе поэтически плодовитымъ Духновичъ былъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда уже началъ заниматься національно-общественной дѣятельностью. До 1847 года знаемъ только 7 его стихотвореній, а отъ этого срока и до смерти 89. Особенно много онъ намъ оставилъ отъ периодовъ 1850—1852 гг. и 1860—1864 гг. Болѣе всего написано имъ въ послѣдній годъ передъ смертью, и эти его стихи особенно для насъ цѣнны.

По преимуществу Духновичъ былъ лирикомъ. Его Муза — субъективна. Однако, были у него и попытки эпического творчества, вѣрнѣе лиро-эпического, хотя и не многочисленныя.

Формально Духновича нельзя отнести ни къ одному изъ теченій его времени. Онъ не считалъ нужнымъ подражать, но воспринималъ все, что трогало его душу. Онъ былъ поистинѣ народнымъ пѣвцомъ, самъ вышелъ изъ народа и постоянно возвращался къ народу въ своеемъ творчествѣ. Духновичъ воспѣвалъ Бога и природу, любовь и жизнь, но особенно горячее чувство вдохновленія овладѣвало имъ при темахъ національно-патріотическихъ. Онъ былъ апостоломъ русскости на Карпатахъ, онъ пробуждалъ русское національное чувство, своимъ примѣромъ утверждалъ давно угасшій патріотизмъ.

Чтобы его проповѣдь русскости имѣла больший успѣхъ, онъ говорилъ о русской славѣ, о русской крѣпости, указывалъ на русскія побѣды и въ то-же время предостерегалъ

*) Карпатский Свѣтъ, 1928, стр. 163.

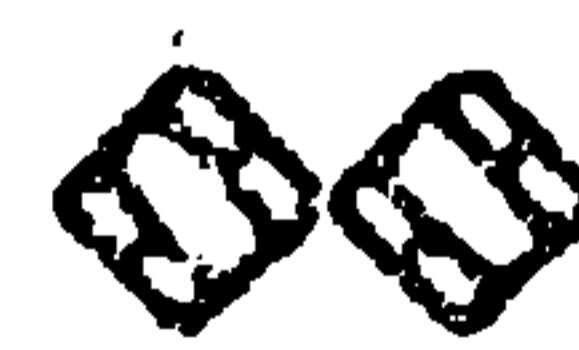
карпато-русскую общественность отъ «царя Пернатыхъ» (отъ Габсбурговъ), съ хитрой Зозулы.

Конечно, не только простонародье слѣдовало вдохновлять Духновичу, въ простонародномъ сердцѣ жила еще национальная любовь, русское слово забыто не было. Карпато-русская интеллигенція переживала не только национальный кризисъ, какъ явленіе временное, но и періодъ полной денационализациі, и къ интеллигенціи было направлено воззваніе и напоминаніе нашего национального вождя. Онъ призывалъ интеллигенцію вспомнить о своей національности, руководить народомъ, просвѣщать народъ и не смотрѣть на народъ только какъ на средство къ своему благополучію. Къ интеллигенціи Духновичъ былъ безпощаденъ: онъ сожалѣлъ о клеветникахъ, негодовалъ на национальныхъ измѣнниковъ, упрекалъ фальшивыхъ друзей...

Эта твердость, настойчивость, активность и терпѣніе Духновича привели къ тому, что и при неблагопріятной почвѣ и условіяхъ посѣва, все-же явились достаточные всходы, русская жизнь крѣпла, русское самосознаніеширилось. Такъ началось на Подкарпатыи национальное возрожденіе, руководство которымъ по преемственности приняли на себя Попрадовъ-Ставровскій, Е. А. Фенцикъ, Уріиль Метеоръ (Сильвай) и другіе, такъ что на старости лѣтъ Духновичъ спокойно могъ склонить свою голову, съ полнымъ убѣждѣніемъ, что его миссія кончилась достойно, и народъ избѣжалъ гибели.

И, если потомство стойко придерживается завѣтовъ Духновича, то показываетъ, что народный врачъ духовно еще живъ, что народу не нужно искать средствъ къ новой борьбѣ, но достаточно только продолжать традицію, пред- указанную Духновичемъ.

Завѣщеніе Духновича для карпато-руссовъ — путь къ истинѣ и свѣту!

ХРОНИКА.

Циркуляръ
Русскимъ Народнымъ Читальнямъ
им. А. В. Духновича.

Любезные Братья!

Присылаемъ Вамъ двѣ пьесы А. Бобульского. «Пастырскую Игру» нужно теперь же выучить, чтобы колядовать и собирать гроши на читальню. Пьесу «Мессія» нужно сыграть на Рождественскихъ праздникахъ. Общество издало еще одну пьесу: «Маруся» С. Сильвая. Ее Вамъ пришлемъ съ журналомъ «Карпатскій Свѣтъ» (№№ 9—10).

Сообщаемъ Вамъ, что чрезъ Общество можете выписать слѣдующія пьесы для театра: «Рождественская Елка», «Въ Святой Вечеръ», «Верховинская кровь», «Держися данного слова», «Волъ», «Кандидатъ», «Чий доллары», «Нѣмая Невѣста», «Кружится — не кружится», «Бахтарня» № 72, «Бездождье», «Продали коня», «Заяцъ въ корчѣ», «Кривая присяга» и др.

Правленіе.

Народопросвѣтительные курсы.

Съ 28 декабря 1930 г. и по 3 января 1931 года Министерство народного просвѣщенія при посредствѣ Подкарпаторусского Народопросвѣтительного Союза организовало въ Ужгородѣ специальные курсы для работниковъ народопросвѣщенія, которые привлекли

большое количество слушателей и прошли съ большимъ успѣхомъ.

Радіо-выставка
и культурная выставка въ Ужгородѣ

Съ 4 и по 8 января въ Ужгородѣ въ помѣщеніи Чешской гражданской школы состоялась радио-выставка, которая была совмѣщена и съ выставкой культурной продукции на Подкарпатской Руси. На послѣдней была представлена изательская дѣятельность, работа цѣлаго ряда художниковъ, культивирующихъ сюжеты Подкарпатской Руси или проживающихъ на ея территоріи, работа учениковъ школъ въ области искусства и т. п.

Въ защиту русского языка.

Въ отвѣтъ на попытку Министерства школъ и народного просвѣщенія создать «языковую комиссию» для ликвидациіи «языковаго хаоса» въ школахъ Подкарпатской Руси, Учительское Товарищество Подк. Руси подало категорический протестъ въ томъ смыслѣ, что, при наличіи хаоса, никакого «языковаго вопроса» на Подк. Руси нѣть, слѣдуетъ только учесть волю большинства, требующаго введенія въ школы литературнаго русскаго языка и прекращенія фаворизаціи украинизма.

Къ этому протесту присоединились политическія партіи: Русскій

Блокъ, аграрная, народные соціалисты и народные демократы.

Въ защиту русского большинства были поданы запросы и произнесены рѣчи въ парламентѣ — деп. Патейдломъ, Д-ромъ А. Гайномъ, В. Щерецкимъ; въ сенатѣ — проф. Ф. Мертои, И. В. Цуркановичемъ и Д-ромъ Э. Бачинскимъ.

Языковое совѣщаніе и О-во им. А. Духновича.

Министерство Народнаго Пропаганды въ лицѣ г. министра Д-ра И. Дерера обратилось къ О-ву им. А. Духновича и Т-ву «Просвѣта» съ предложеніемъ избрать двухъ делегатовъ отъ каждой организаціи въ совѣщаніе, на которомъ будутъ присутствовать два профессора Университета, назначенные г. министромъ. Цѣль совѣщанія — урегулированіе языковаго вопроса въ школѣ. Правленіе О-ва по сему поводу собрало чрезвычайное засѣданіе; пригласивъ на него правленіе Учительскаго Товарищества и депутатовъ и сенаторовъ Народнаго Собранія и депутатовъ Земскаго представительства Подк. Руси.

Рѣшено было по тактическимъ соображеніямъ участіе въ совѣщаніи принять. Делегатами избраны: Д-ръ И. В. Каминскій и проф. К. Стрипскій, замѣстителемъ — Д-ръ С. А. Фенцикъ.

Радіо-Концерты въ Ужгородѣ.

Кошицкій Радіо-журналъ организовалъ при содѣйствіи Подкарпато-русскаго Народопросвѣтительнаго Союза и О-ва им. А. Духновича рядъ выступленій, связанныхъ съ Подкарпатской Русью. Въ день открытия Радіо-выставки рѣчи произнесли г. Земскій Президентъ А. Розсыпалъ и Д-ръ С. А. Фенцикъ

отъ имени г. Губернатора, который по техническимъ причинамъ присутствовать не могъ и отъ П. Н. С. Проф. Є. Гайдукевичъ 5-го января прочиталъ лекцію на тему «Рождество на Подкарп. Руси». 6 января ту-же тему по чешски развилъ г. Б. Крыль, а затѣмъ рядъ церковныхъ пѣснопѣній и рождественскихъ колядокъ исполнилъ хоръ Богословскаго Лицея въ Ужгородѣ подъ упр. Є. Уріила Сильвая. 7-го января выступали дѣти свалевской школы подъ упр. Г. Д. Гузенаго, исполнившіе рядъ пѣсень и драматической этюдъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ Гудкова: «Въ пользу бѣдныхъ дѣтей». Успѣхъ дѣтскаго выступленія превзошелъ всѣ ожиданія. Полученъ рядъ благодарственныхъ писемъ со всѣхъ концовъ міра.

Календарь О-ва им. А. Духновича на 1931 г.

О-во отпечатало на 1931 г. Народный Календарь въ количествѣ 8.000 экз. Въ настоящее время изъ общаго количества осталось всего 500 экз. Не имѣющіе календаря пусть озабочатся скорѣйшимъ заказомъ.

Вниманію Правленій читаленъ им. А. Духновича.

Въ началѣ января Правленіе О-ва разошлетъ всѣмъ своимъ читальнямъ печатные материалы для отчетовъ о дѣятельности въ 1930 году и для прошеній о субвенціи на 1931 г. Все это должно быть заполнено данными и предложено Правленію О-ва им. А. Духновича въ возможно кратчайшій срокъ и не позднѣе 15 февр. 1931 г. Опоздавшие прислать свѣдѣнія и прошенія къ этому сроку на получение субвенціи расчитывать не могутъ.

